

18+ Василий Попков

Общество посвящённых

Серия «Интеллектуальный детектив»

Василий Попков

**Общество посвящённых. Серия
«Интеллектуальный детектив»**

«Издательские решения»

Попков В.

Общество посвящённых. Серия «Интеллектуальный детектив» /
В. Попков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-683083-7

«Архивная правда» во главе с дотошным Ильей Прохоровым берется за расследование исчезновения ученого. Его следы ведут к легендарному кодексу Ломоносова, за которым охотится тайное «Общество посвященных». Команде — ветерану-следователю Егору, журналистке Елене и гению Марине — предстоит распутать клубок старинных тайн и столкнуться с смертельной опасностью, чтобы не дать могущественному артефакту попасть в чужие руки.

ISBN 978-5-00-683083-7

© Попков В.
© Издательские решения

Содержание

Общество посвящённых	6
Глава 1. Письмо с последствиями	6
Глава 2. Недоверие	9
Глава 3. Первая нить	12
Глава 4. Игра в одни ворота	15
Глава 5. Встреча с Воронцовым	17
Глава 6. Улика для Егора	20
Глава 7. Ночной визит	22
Глава 8. Исповедь раненого	24
Глава 9. Ключ Воронцова	26
Глава 10. Тайник Ломоносова	28
Глава 11. Имя предателя	30
Глава 12. След Общества	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Общество посвящённых Серия «Интеллектуальный детектив»

Василий Попков

© Василий Попков, 2025

ISBN 978-5-0068-3083-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Общество посвящённых

Глава 1. Письмо с последствиями

В кабинете «Архивной правды» пахло кофе, свежей бумагой и тем особым запахом затишья, что наступает после бури. Илья дописывал заключение по делу о фамильном серебре – простому, почти успокаивающему своей предсказуемостью.

Тишину разрезал резкий звонок домофона. Марина, не отрываясь от монитора, нажала кнопку, но ее брови удивленно поползли вверх.

– Илья Сергеевич, к вам... Анна Петровна Орлова. Лично.

Илья отложил ручку. Визит Анны Орловой, а не ее обычного курьера, в такую погоду и без предупреждения, нарушал все неписанные правила их восстановившегося мира. Он инстинктивно поправил очки, чувствуя, как по спине пробежал холодок старой тревоги.

Анна Петровна вошла в кабинет, стряхивая с плаща капли дождя. Она выглядела старше, чем в их последнюю встречу, но в ее осанке была прежняя, стальная выдержка. Однако в глазах, обычно таких ясных и властных, Илья прочитал нечто новое – не просто озабоченность, а глубинную, выстраданную решимость.

– Илья Сергеевич, простите за вторжение без предупреждения, – ее голос был ровным, но в нем слышалось напряжение. – Мне нужно обсудить с вами один деликатный вопрос. Наедине.

Илья кивнул Марине, и та, понимающе подняв бровь, вышла, прикрыв за собой дверь. Он предложил Анне сесть.

– После всей той истории... с Громовым, – она произнесла это имя с легкой судорогой, – я дала себе слово никогда больше не вовлекать вас в опасные дела. Но то, что я обнаружила... вернее, на что вышла по старой семейной линии, не дает мне права на молчание.

Она открыла свою изящную кожаную папку и извлекла несколько листов с репродукциями старинных документов и гравюр.

– Речь идет о «Ломоносовском кодексе». Вы слышали о таком?

Илья наклонился, разглядывая изображения. Это были не официальные труды, а эскизы, черновики, письма с пометками на полях.

– Легенда, – ответил он осторожно. – Предполагаемый личный дневник, куда он заносил не только научные выкладки, но и философские размышления, не предназначенные для чужих глаз. Большинство историков считают его утраченным или вовсе никогда не существовавшим.

– Большинство ошибается, – уверенно парировала Орлова. – Мой прадед, Василий Орлов, был близок к кругу академиков, хранивших наследие Ломоносова. В его бумагах я

нашла упоминания о Кодексе. Не просто как о дневнике, а как о... предостережении. Ломоносов, по словам прадеда, осознавал двойственность своих открытий. Он видел не только свет науки, но и тень, которую она может отбросить. Он называл это «нравственной картой знаний».

Она посмотрела на Илью в упор.

– Мой фонд готов официально заказать вам поиск Кодекса. Как культурную и историческую ценность. Но я пришла к вам лично, потому что истинная причина глубже. Я чувствую, что в этом Кодексе может заключаться ключ к пониманию того, с чем вы столкнулись. К пониманию природы «кристалла счастья». И, возможно, к защите от него.

Илья откинулся на спинку кресла, сложив пальцы домиком. Его аналитический ум уже выстраивал цепочки. Ломоносов. «Кристалл счастья». Философские откровения. Все это было слишком точным продолжением их прошлого дела. Слишком удобным.

– Анна Петровна, – начал он мягко. – Мы с вами прошли через ад. Вы едва не погибли из-за этой истории. Зачем снова опускаться в эту кроличью нору? Даже если Кодекс существует, его поиски могут разбудить силы, с которыми мы едва справились в прошлый раз.

– Именно поэтому я пришла к вам, – в ее голосе зазвучала сталь. – Потому что вы уже знаете, с чем имеете дело. И вы единственные, кому я могу доверить это. Я не могу жить с мыслью, что где-то существует знание, способное предотвратить новые жертвы, а я не сделала ничего, чтобы его найти. Это мое искупление, Илья Сергеевич.

Она положила на стол конверт с авансом. Толстый, гораздо толще, чем требовалось для стандартного архивного поиска.

– Подумайте, – сказала она, поднимаясь. – Но знайте, что если не вы, то я буду искать кого-то другого. А чужие люди... – она многозначительно посмотрела на него, – могут не быть такими осторожными и принципиальными, как ваша команда.

Дверь за Анной закрылась, и в кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным стуком дождя о стекло. Илья отодвинул от себя отчет по делу о фамильном серебре и взял в руки конверт Анны Орловой. Его пальцы механически провели по шероховатой поверхности бумаги, в то время как сознание уже начало систематизировать информацию.

«Ломоносовский кодекс». Гипотетический артефакт. Вероятность существования – низкая, но не нулевая. Анна Орлова – клиент проверенный, но ее личная заинтересованность выходит за рамки стандартного архивного поиска. Она не просто хочет найти реликвию. Она ищет ключ.

Илья откинулся на спинку кресла, сформировав перед собой мысленное досье.

1. Мотив клиента. Орлова ссылается на семейные документы и идею «нравственной карты знаний». Это не исторический интерес, это попытка найти оправдание или защиту. Возможно, последствия дела с «Кристаллом» заставили ее искать моральную опору в прошлом. Или же она опасается новых угроз, связанных с той историей.

2. Связь с предыдущим делом. Прямая параллель: наследие Ломоносова → изыскания Алексея Белых → «Кристалл» → Громов. Новый запрос встраивается в начало этой цепочки. Случайность? Маловероятно. Слишком узкая тематическая направленность.

3. Оценка рисков. Публичный поиск Кодекса может быть воспринят как продолжение деятельности «Архивной правды». Это привлечет внимание как остатков сети «Лотоса», так и государственных структур, интересующихся наследием «Фолианта». Статус-кво, достигнутый с таким трудом, будет нарушен.

4. Тактика. Если принимать заказ, работать необходимо в режиме полной конспирации. Использовать каналы, не связанные с основным именем агентства. Задействовать только проверенные контакты в архивной среде.

Он снова посмотрел на конверт. Простой поиск старинной рукописи? Нет. Это был первый шаг в сложной партии, где противники еще не определены, а правила неизвестны. Поле битвы – архивы и библиотеки, оружие – знание. И первый выстрел, как это часто и бывает в его работе, прозвучал не громко, а тихо, в виде деликатного предложения от женщины, чьи глаза выдавали неподдельный страх.

Илья достал чистый лист бумаги и начал составлять список первоочередных действий. Сначала – верификация семейного архива Орловых. Затем – проверка всех упоминаний о Кодексе в дореволюционных каталогах и переписке академиков. Необходимо было отделить сложившуюся легенду от возможных фактов. Любая новая битва начинается с разведки. И сейчас ему предстояло провести ее в прошлом.

Глава 2. Недоверие

Илья дождался, когда в агентстве соберутся все. Вечернее солнце бросало длинные тени, превращая знакомый кабинет в подобие операционной карты. Он не стал собирать их за общим столом – это выглядело бы слишком официально и тревожно. Вместо этого он встал у своей конторки, опершись о столешницу костяшками пальцев.

– Анна Орлова была здесь, – начал он без предисловий. – Новый заказ. Поиск «Ломоносовского кодекса».

Егор, разбирающий папку с очередным несложным делом, замер. Елена медленно отложила планшет. В комнате повисла та самая тишина, которая всегда предшествует буре.

– Кодекс? – переспросил Егор, его голос был нарочито спокоен. – Та самая легенда? Интересно, что ей понадобилось именно сейчас.

– Формально – историко-культурный интерес ее фонда, – ответил Илья. – Неформально... Она считает, что в Кодексе могут содержаться философские и этические предостережения Ломоносова, связанные с его исследованиями. Прямая связь с делом «Кристалла».

Он сделал паузу, давая им осмыслить.

– Я проанализировал риски. Вероятность того, что этот запрос является провокацией или приманкой, я оцениваю как высокую. Слишком уж своевременное продолжение нашей предыдущей работы. Слишком точное попадание в цель.

– Провокация от кого? – мгновенно отреагировала Елена. Громов арестован, Крюков мертв.

– Сети такого масштаба, которые использовали Громова, швейцарских фармацевтов и частную военную компанию, просто так не умирают, Елена, – ответил Илья. – Они уходят в глухую оборону и ждут. Или же на сцену может выйти новый игрок, который знает о нашей роли в крахе фонда «Наследие». Наша главная уязвимость сейчас – наша репутация как людей, которые могут докопаться до истины в самых темных делах. Это делает нас ценным активом. Или угрозой, которую нужно контролировать.

Он посмотрел на каждого по очереди, тщательно подбирая слова. Мысль о возможной слежке за Егором жгла его изнутри, но выдать ее сейчас – значит взорвать команду изнутри бездоказательными обвинениями. Это был риск, который он не мог позволить себе.

– Я не утверждаю, что за нами уже следят, – продолжил он, – но мы должны исходить из этой рабочей гипотезы. Наша прежняя модель работы, основанная на абсолютном доверии и открытости, показала свою уязвимость. Враг умеет использовать наши сильные стороны против нас.

– Что ты предлагаешь? – спросил Егор. Его взгляд был тяжелым и изучающим. – Работать в одиночку?

– Нет. Я предлагаю работать с использованием принципа «избирательного доверия», – четко изложил Илья. – Каждый этап операции дробится на изолированные задачи. Мы координируем результат, но не делимся всеми исходными данными и каналами их получения. Каждый шаг каждого члена команды должен быть перепроверен другим, по возможности, без ведома первого.

Марина, до этого молча слушавшая, тихо присвистнула.

– Звучит как паранойя высшей пробы, Илья Сергеевич.

– Это базовый протокол информационной безопасности при работе с ненадежными каналами связи, – возразил он без тени улыбки. – Мы сами стали таким каналом. Мы не знаем, не оставили ли в наших системах, в наших связях, в наших головах следов, которыми можно манипулировать. Мы должны проверить все. С нуля.

– Конкретика? – потребовал Егор, откидываясь на спинку стула. Его поза была расслабленной, но глаза напряженно следили за Ильей.

– Конкретика, – кивнул Илья. – Первое: все внешние коммуникации по этому делу ведутся через одноразовые зашифрованные каналы, ключи к которым есть только у меня. Второе: любая информация, полученная извне – будь то архивная справка или словесный рассказ, – считается потенциально скомпрометированной, пока не будет подтверждена из двух независимых источников. Третье: мы вводим систему паролей-проверок на каждый день. Случайный набор вопросов и ответов, известный только нам троим, для быстрой верификации друг друга по телефону или в личной встрече.

Он выдержал паузу, наблюдая за их реакцией. Елена выглядела озадаченной, но заинтересованной. Марина – скептической, но профессионально вовлеченной. Егор... Егора он читал с трудом. Бывший оперативник лишь медленно кивнул.

– Звучит как работа с внутренним предателем, – сухо констатировал Егор.

– Это работа в условиях, когда мы не можем доверять никому, включая самих себя, – поправил его Илья. – Пока мы не очистим наши собственные ряды от возможных угроз. Мы не знаем, не ведут ли за нами наблюдение через старые, забытые каналы. Мы не знаем, не оставили ли в наших цифровых следах «закладок». Мы должны действовать, исходя из худшего сценария.

– И первая задача? – спросила Елена.

– Первая задача – проверить самих себя, – ответил Илья. – Марина, ты проводишь полный аудит всех наших систем, начиная с момента основания агентства. Ищешь любые аномалии, несанкционированные доступы, скрытые процессы. Егор, ты проверяешь наши физические следы – все места, где мы бывали, все контакты, которые могли быть скомпрометированы за последний год. Елена, ты анализируешь информационный фон – любые упоминания о нас, о Кодексе, о деле «Кристалла» в открытых и закрытых источниках.

Он посмотрел на их серьезные лица.

– Мы не отказываемся от дела. Мы принимаем его на новых условиях. Мы идем на охоту, зная, что за нами, возможно, тоже охотятся. И первое, что мы должны поймать, – это наши собственные тени.

Решение было принято. В воздухе витало недоверие, но не друг к другу, а к миру, который вновь показал свои клыки. Илья видел, как Егор украдкой ощупал карман пиджака, проверяя телефон. Как Елена машинально записала что-то в своем блокноте, чтобы позже уничтожить страницу. Как Марина уже мысленно строила схемы будущего аудита.

Протокол «Избирательное доверие» был активирован. Игра началась.

Глава 3. Первая нить

Работа по протоколу «Избирательное доверие» напоминала сборку сложного механизма вслепую. Каждый винтик, каждая шестеренка проверялась на вес, размер и возможные дефекты, прежде чем занять свое место. Илья координировал процесс, оставаясь в кабинете, как центре сети, куда стекались разрозненные отчеты.

Елена действовала через свои, давно отработанные, светские каналы. Она не стала звонить напрямую. Вместо этого она вышла на Татьяну Лихачеву, подругу своей матери, владелицу антикварного салона, чья память и связи были сравнимы с иным архивом. Встреча была назначена в людном месте – в зале Публичной библиотеки, под предлогом консультации по подбору литературы для статьи о женском образовании в XIX веке.

Передав конверт с материалами для «статьи» – где между строк был зашифрован запрос о коллекционерах научного наследия, – Елена получила в ответ неприметную визитку. На ней, без каких-либо регалий, было вытеснено имя: «Арсений Воронцов» и номер телефона стационарного аппарата.

– Он не любит гостей, – тихо сказала Татьяна, поправляя перчатки. – И не любит телефон. Но если ты назовешь мое имя и скажешь кодовую фразу «Меня интересуют чертежи Кулибина», он, возможно, согласится на встречу. Будь осторожна, Леночка. С ним имеют дело либо очень серьезные люди, либо те, кто больше никому не нужен.

Информация была передана Илье через одноразовый зашифрованный тайник. Проверка заняла шесть часов. За это время Егор, используя старые, не связанные с агентством контакты в силовых структурах, установил, что Арсений Петрович Воронцов, 72 года, бывший сотрудник НИИ Истории Естествознания и Техники, уволен в 90-е при неясных обстоятельствах. С тех пор – непубличный коллекционер, в поле зрения правоохранительных органов не попадал, но фигурировал в ряде закрытых экспертиз научных раритетов. Ничего криминального, лишь репутация блестящего специалиста и затворника.

Илья дал добро на установление контакта.

Звонок со специально приобретенной для этого дела «чистой» сим-карты длился ровно сорок семь секунд.

– Воронцов, – сухой, без интонаций голос ответил на четвертый гудок.

– Арсений Петрович, меня зовут Елена. Мне дала ваш номер Татьяна Лихачева. Меня интересуют чертежи Кулибина.

На том конце провода повисла пауза, заполненная лишь ровным дыханием.

– У Кулибина было множество чертежей. Уточните тему.

Елена была готова к вопросу. Фраза была согласована с Ильей.

– Механизмы, связанные с оптикой и преломлением света.

Еще одна пауза, более короткая.

– Завтра. Четыре часа дня. Тучкова набережная, дом 2, парадная три. Не опаздывайте. Приходите одна. – Связь прервалась.

Адрес был проверен. Старый доходный дом, квартира на последнем этаже с видом на Малую Невку. Илья и Егор заняли позиции для внешнего наблюдения за полчаса до встречи. У Ильи – с противоположного берега, с биноклем со стабилизацией. У Егора – в подъезде напротив, с возможностью быстрого реагирования. Коммуникация – через защищенный канал с кодовыми фразами.

Ровно в шестнадцать ноль-ноль Елена исчезла в темном проеме парадной. Через семь минут Илья получил лаконичный отчет от Егора: «В квартире. Окно зашторено. Движения нет».

Внутри квартиры пахло старыми книгами, кожей и ландышевым одеколоном. Воронцов, сухопарый мужчина с седыми зачесанными назад волосами и пронзительными голубыми глазами, принял ее в гостиной, больше напоминавшей читальный зал. Книги лежали не только на полках, но и аккуратными стопками на полу, на столах, на подоконниках.

– Вы не первая, кто ищет через Лихачеву, – без предисловий начал Воронцов, усаживаясь в кресло. – Но первая, кто интересуется именно оптикой. Обычно ищут вечные двигатели или летательные аппараты. Что на самом деле вам нужно?

Елена, следуя легенде, разработанной Ильей, сказала, что пишет работу о нереализованных научных проектах XVIII века и их связи с философией Просвещения. Она осторожно вывела разговор на Ломоносова, на его разносторонние интересы.

Воронцов слушал, неподвижно глядя на нее. Его лицо было маской вежливого внимания.

– Ломоносов, – произнес он, когда она закончила. – Гигант. Но его главные труды не в стихах и не в мозаиках. Они в его лабораторных журналах. Большинство утрачено. То, что осталось, разрознено и... не всегда атрибутировано правильно.

– А «Ломоносовский кодекс»? – осторожно вставила Елена. – Существуют ли хоть какие-то реальные свидетельства?

Глаза старика сузились. Он медленно поднялся, подошел к одному из шкафов и вынул оттуда папку.

– «Кодекс» – термин любительский, – сказал он, возвращаясь. – Говорили о сводном манускрипте, куда он заносил идеи, лежащие на стыке науки, философии и... этики. Прямых доказательств нет. Но есть косвенные. – Он открыл папку. Внутри лежали копии писем современников Ломоносова, его коллег-академиков. – Читайте между строк. Здесь, – он ткнул длинным пальцем в одну из строчек, – он пишет о «дьявольской дилемме познания». А здесь, – палец переместился на другую страницу, – упоминает «нравственный компас, что должен направлять руку ученого, дабы не сжечь душу во имя истины».

Елена почувствовала, как учащается пульс. Они были на правильном пути.

– Вы считаете, Кодекс мог существовать как отдельный документ?

– Я считаю, что Михаил Васильевич был слишком системен, чтобы не вести подобных записей, – поправил ее Воронцов. – Другое дело, что он мог не доверять их бумаге. Или... они были намеренно уничтожены. Или спрятаны. – Он закрыл папку. – Вам стоит обратить внимание на круг его общения. Не на академиков, а на тех, с кем он делился сокровенным. Искать нужно не документ, а след. След в биографиях его учеников, в их трудах.

Через двадцать минут Елена вышла из дома. На набережной ее уже ждал Егор, молча занявший место в двух шагах сзади. В кармане пальто Елены лежала записка, переданная Воронцовым в конце разговора. На клочке бумаги было выведено чернилами: «Спросите о Демидовском обществе. Не все архивы учтены».

Первая нить была получена. Она вела в знакомый лабиринт. И первая же проверка, инициированная Ильей, показала: в официальных описях архивов Демидовского общества за 1763 год отсутствовали три дела, номера которых совпадали с теми, что фигурировали в блокноте Алексея Белых. Совпадение? Старик Воронцов знал больше, чем говорил. Игра продолжалась.

Глава 4. Игра в одни ворота

Протокол «Избирательное доверие» работал, но Егор Волков никогда не доверял системам на все сто. Системы создают люди, а люди ошибаются. Или врут. Пока Илья координировал общую стратегию, а Елена добывала информацию в поле, он занялся тем, что умел лучше всего – проверкой людей. И начал он с самого уязвимого звена: с Марины.

Его действия не были санкционированы Ильей. Это была личная инициатива, основанная на старом оперативном принципе: проверяй тех, кто ближе всего. Особенно если они появляются при загадочных обстоятельствах.

Он действовал старыми, нецифровыми методами. Не через базы данных, к которым у Марины мог быть доступ, а через живых людей, своих давних «ангелов-хранителей» в различных ведомствах. Встречи происходили в разных концах города – в пустующих цехах, на заброшенных стадионах, в парках на рассвете.

Первая ниточка появилась быстро. Его старый знакомый из паспортного стола, человек с феноменальной памятью, подтвердил данные Марины, но с одной оговоркой: «Интересная у тебя девочка, Егор. Поступила в университет без экзаменов. Какой-то особый приказ. Редкость для тех лет».

Егор заставил себя улыбнуться: «Талантливая была».

«Не спорю. Но отдел кадров тогда голову сломал – в приказе номер был, а подписи и расшифровки нет. Как призрак ее зачислили».

Вторая нить пришла из военкомата. Отставной майор, с которым Егор когда-то делил паек в горячей точке, покопался в старых архивах. «Военный билет у нее есть, но он чистый. Ни сборов, ни учений. У нас таких не бывает».

Третья, и самая тревожная находка, ждала его в отделе кадров того самого НИИ, где Марина формально числилась перед приходом в «Архивную правду». Бывшая сотрудница, которой Егор когда-то помог с жильем, нашла ее личное дело. Оно было странно легким. Анкета, диплом, трудовая. И ничего более. Ни автобиографии, ни характеристик, ни даже медицинской карты. Как будто человека создали на месте специально для этой работы.

– Ее взяли по звонку, – шепотом сообщила женщина. – Сверху. Сам начальник отдела кадров оформлял. Обычно такое только для «особых» стажеров бывает.

«Особые» стажеры. Эвфемизм, которым в определенных кругах обозначали людей, внедряемых под прикрытием.

Вечером того же дня Егор пошел ва-банк. Он встретился с еще одним «ангелом», бывшим сотрудником ФСБ, ушедшим на пенсию и владевшим небольшим частным детективным агентством. Тот имел доступ к коммерческим базам данных, которые были куда полнее государственных.

На следующий день пришел ответ. Краткий, как выстрел:

«Запрошенное лицо: Марина Валерьевна С. Финансовые операции: чисто. Недвижимость: отсутствует. Транспорт: отсутствует. Связь: номер оформлен на покойного гражданина. Примечание: обнаружены следы процедуры „глубокого камуфляжа“. Рекомендация: крайняя осторожность. Контакт прекращен».

Егор сжег распечатку в раковине, наблюдая, как бумага скручивается в черный пепел. «Глубокий камуфляж». Процедура полного изменения биографии, доступная только спецслужбам высшего уровня. Все шло хорошо. Слишком чистый военный билет. Поступление по «особому» приказу. Пустое личное дело. И главное – ее невероятные способности, которые всегда казались ему слишком феноменальными для простой IT-специалистки.

Он сидел в своей квартире в полной темноте, глядя на огни города. Перед ним стояла дилемма. Сообщить Илье? Но это взорвет команду изнутри. Илья, с его стремлением к порядку и логике, не сможет принять такой удар. Он либо не поверит, либо потребует немедленных действий, спугнув цель.

Или подождать? Продолжить наблюдение? Попытаться выяснить, на кого же она работает? На остатки «Наследия»? На государственные структуры, которые решили взять команду под колпак? Или... на кого-то третьего?

Он вспомнил ее улыбку, ее преданность делу и Илье. Это не игралась. Или игралась настолько блестяще, что она смогла обмануть его, старого волка.

Егор понимал – он вел игру в одни ворота. Он проверял Марину, но у него не было ни малейшей уверенности, что она не проверяет их в ответ. Возможно, его собственная проверка была частью ее плана. Возможно, она уже знала.

Он принял решение. Молчать. Наблюдать. Играть свою роль. Но с этого момента он будет следить не только за врагами снаружи, но и за той, кто сидела с ними в одном кабинете, чьи пальцы летали по клавиатуре, добывая для них информацию. Он поставил мысленную метку на Марине. И следующее движение предстояло сделать ей. А он будет готов.

Глава 5. Встреча с Воронцовым

Квартира Воронцова встретила их гробовой тишиной, нарушаемой лишь тиканьем старинных часов с маятником. Воздух был густым от запаха старой бумаги и воска. Илья, войдя вслед за Еленой, мгновенно провел тактический анализ пространства: один выход, два смежных помещения, окна выходят на набережную и во внутренний двор. Старик сидел в том же кресле, его поза была расслабленной, но взгляд, скользнувший по Илье, был быстрым и оценивающим.

У Ильи с Еленой была конкретная информация, добытая Мариной:

«Архивная справка

Дата события: 4 (15) апреля 1765 г. – кончина М. В. Ломоносова.

Суть события: После смерти ученого его архив и библиотека были незамедлительно сначала опечатаны, а потом и вывезены по распоряжению светлейшего князя Григория Орлова.

Сопутствующие обстоятельства:

Канцлер М. И. Воронцов, покровитель Ломоносова, выступил с инициативой установки памятника за свой счет.

Ключевые фигуры: Григорий Орлов, М. И. Воронцов.

Вывод: Наследие Ломоносова (бумаги) было изъято непосредственно после его смерти, в то время как дело его увековечения (памятник) взял на себя его светский покровитель. Для Воронцова, известного своим меценатством и поддержкой Ломоносова в борьбе с «недрузьями ученых его», эта смерть стала личной трагедией. Возможно, в своем жесте он видел не только долг памяти, но и последнюю возможность отдать честь человеку, чье наследие только что было столь странным образом изъято из общего доступа. Арсений Петрович Воронцов – прямой потомок канцлера Воронцова. Его знания и коллекция могут быть совершенно неоценимы.»

«Арсений Петрович, разрешите представить моего коллегу, Илью», – сказала Елена, соблюдая светские условности.

Воронцов кивком пригласил их сесть. Его внимание было приковано к Илье, будто он хотел прочитать его, как открытую книгу.

«Итак, коллега, – начал Воронцов, обращаясь к Илье, – Елена Владимировна интересовалась теоретическими аспектами. Вы, полагаю, пришли за конкретикой».

Илья не стал отрицать. «Мы ищем документ, известный как „Ломоносовский кодекс“. Нас интересуют не столько его философские аспекты, сколько возможные технические детали. В частности, все, что связано с оптикой и кристаллографией».

Уголки губ Воронцова дрогнули в подобии улыбки. «Прямолинейно. Мне это нравится. Но я должен вас разочаровать. Кодекса, как единого манускрипта, не существует. Это миф, рожденный слишком буквальным прочтением переписки академиков».

Илья не моргнул глазом. «Мифы часто имеют под собой реальную основу. Возможно, речь идет о разрозненных записях, не атрибутированных должным образом».

«Возможно, – легко согласился Воронцов. – Ломоносов был не только гениален, но и осторожен. Некоторые его изыскания могли быть... преждевременными для эпохи. Он работал с материалами, свойства которых не были до конца изучены». Он сделал паузу, словно выбирая слова. «Например, его интересовали не просто стекла для мозаик, а оптические свойства кристаллов с определенной структурой решетки. Проводил расчеты преломления в средах с аномальной дисперсией».

Илья почувствовал, как у него внутри все сжалось. Он не подал виду, продолжая смотреть на Воронцова с вежливым интересом. Но его мозг уже проанализировал фразу. «Расчеты преломления в средах с аномальной дисперсией». Дословная цитата из блокнота Алексея Белых. Той самой записи, что была сделана на полях страницы с выкладками Ломоносова. Оригинал блокнота хранился в сейфе «Архивной правды», его содержание не разглашалось.

Воронцов не мог этого знать. Если только он не видел самого блокнота. Или не работал с теми же источниками, что и погибший архивариус.

«Любопытное направление для исследований XVIII века», – нейтрально заметил Илья.

«Ломоносов опережал время», – парировал Воронцов. «И, как часто бывает с провидцами, его окружали не только последователи, но и... охотники за идеями. Некоторые из его наработок могли быть присвоены и использованы в иных целях». Он жестом указал на стопки книг. «Чтобы найти след, нужно понять мотивацию. Кто мог быть заинтересован в его трудах по кристаллографии? Кто обладал ресурсами и... отсутствием достаточной тщательности и точности?»

«Демидовы?» – предположила Елена.

Воронцов покачал головой. «Демидовы были практиками. Их интересовала металлургия, минералогия. Нет. Ищите тех, чьи имена реже встречаются в открытых источниках, но чье влияние ощущалось в академических кругах. Брюс, например. Или Штелин. Но это всего лишь версия». Он медленно поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. «К сожалению, больше я ничем не могу вам помочь».

На улице, оставшись одни, Илья и Елена молча дошли до первого переулка.

«Он знал», – тихо сказал Илья, глядя перед собой. «Фраза про аномальную дисперсию. Это из блокнота Алексея».

Елена остановилась. «Значит, он либо видел блокнот, либо...»

«...либо сам является частью той же сети, что и Алексей, – закончил Илья. – Он не просто коллекционер. Он участник. И его предупреждение об „охотниках за идеями“ – это не абстракция. Он знает, за кем именно нужно охотиться нам».

Глава 6. Улика для Егора

Егор Волков не верил в случайности. Особенно в те, что были слишком удобными. История с архивным номером, который привел их к Воронцову, не давала ему покоя. Он понимал, что Илья, погруженный в стратегию, доверяет Марине как ключевому специалисту. Но доверие – не доказательство.

Он действовал в обход всех официальных каналов «Архивной правды». Через старого связиста, ныне владевшего частным сервисом по кибербезопасности, он получил доступ к логам запросов к оцифрованным архивам Демидовского общества за последние шесть месяцев. Это была серая зона, но Егор давно перестал обращать на это внимание.

Логи представляли собой монотонный поток данных: временные метки, IP-адреса, коды запросов. Егор потратил несколько часов, сверяя их с внутренним журналом активности агентства. И он нашел это.

Запрос, который привел к «случайному» появлению нужного номера фонда в выборке Марины, был выполнен не из сети агентства. Он пришел с IP-адреса, зарегистрированного на один из подставных операторов связи. Сам по себе такой факт ничего не доказывал – Марина могла использовать VPN для безопасности. Но деталь была в другом.

Запрос был не простым поиском по ключевым словам. Это был сложный SQL-запрос, целенаправленно вытаскивающий из базы данных конкретные номера фондов по пересекающимся критериям, два из которых совпадали с пометками в блокноте Алексея Белых. Такой запрос нельзя было составить случайно или по незнанию. Нужно было точно знать, что искать.

Егор, не будучи программистом, показал код своему знакомому. Тот, пробежав глазами, свистнул:

– Это работа профи. Чистый, эффективный код. Смотри, здесь он сначала проверяет наличие цифровых копий, потом отсекает все, что не связано с перепиской, а потом уже ищет по ключевым словам в метаданных. Так ищут, когда точно знают, что нужно есть, но оно спрятано.

Самое главное открытие ждало Егора в данных о времени. Сложный внешний запрос был выполнен за двенадцать минут до того, как Марина начала свой стандартный поиск по архивам. Создавалось впечатление, что кто-то заранее «приготовил» для нее эту информацию, зная, что она будет ее искать.

Технически, Марина могла симулировать атаку извне, чтобы замести следы. Но зачем? Если бы она хотела скрыть свой интерес, проще было бы не оставлять вообще никаких следов. Этот сложный запрос был похож на работу куратора, осторожно подталкивающего подопечного к нужной находке.

Егор распечатал логи и схему взаимодействия. Улика была вещественной, но косвенной. Она не доказывала предательства Марины. Она доказывала, что ею манипулировали. Или что она была частью более сложной игры.

Он положил распечатки в свой старый сейф, стоявший на заброшенной даче. Докладывать Илье сейчас было бессмысленно – это вызвало бы ненужную панику и могло спугнуть настоящего кукловода. Марина, даже будучи пешкой, была ценным источником информации. Надо было дать ей возможность действовать, но держать все ее движения под прицелом.

Егор вышел на улицу, вдыхая холодный ночной воздух. Игра усложнилась. Теперь он охотился не на внешнего врага, а на тень, которая, возможно, сидела в одной комнате с ними, улыбалась и варила кофе. И следующее движение в этой партии должен был сделать он. Найти того, кто дергал за ниточки Марины. И для этого ему нужно было заглянуть в ее прошлое еще глубже.

Глава 7. Ночной визит

Тусклый свет фонаря на Тучковой набережной отражался в черной воде Малой Невки, дробился на тысячи мерцающих осколков. Егор Волков, закутанный в темное пальто, сидел в подержанной «Ладе-Приоре», припаркованной в арке напротив дома №2. В машине пахло остывшим кофе и старым кожаном. Он вел наружное наблюдение за квартирой Воронцова третью ночь подряд, действуя в обход Ильи. Инстинкты старого оперативника гнали его сюда, несмотря на все протоколы и приказы.

Он проверил часы – 02:17. Город затих. В окнах Воронцова, как и все предыдущие ночи, горел свет – старик, судя по всему, был ночной птицей.

Внезапно его внимание привлекло движение. Две темные, бесшумные фигуры в спортивных костюмах и балаклавах отделились от тени подъезда и быстрыми, экономичными движениями направились к парадной №3. Они не переговаривались, их действия были отточены до автоматизма. Профессионалы.

Егор мгновенно оценил ситуацию. Вызвать подмогу – значит потерять время и раскрыть свое присутствие. Остаться в стороне – значит подписать Воронцову смертный приговор. Приняв решение за долю секунды, он заглушил двигатель и вышел из машины, прижимаясь к стенам домов.

Он видел, как фигуры бесшумно вскрыли дверь парадной и скрылись внутри. Егор ускорился, его раненое бедро отозвалось тупой болью, но он проигнорировал ее. Он вошел в парадную через ту же дверь, которую они не успели полностью закрыть. В полумраке он услышал приглушенные шаги на верхней лестничной площадке.

Поднимаясь по лестнице, он достал свой «ПМ». У двери Воронцова никого не было. Но сама дверь была приоткрыта. Егор прислушался. Изнутри доносились приглушенные звуки борьбы – сдавленный стон, удар, глухой стук падающего тела.

Не раздумывая, Егор плечом распахнул дверь.

В гостиной, заваленной книгами, было двое нападавших. Один держал Воронцова, прижав его к стене, в то время как второй обыскивал полки, сметая стопки фолиантов на пол. Старик пытался сопротивляться, его лицо было искажено гримасой боли и ярости.

– Стоять! – крикнул Егор, целясь в того, кто держал Воронцова.

Нападавшие среагировали мгновенно. Тот, что обыскивал полки, развернулся с неестественной скоростью. В его руке блеснул ствол с глушителем. Егор успел выстрелить первым. Пуля ударила нападавшего в плечо, отбросив его назад. Но второй, отпустив Воронцова, сделал ответный выстрел.

Егор почувствовал горячий удар в бок, чуть ниже бронежилета. Боль, острая и жгучая, пронзила его. Он споткнулся о порог, но удержался на ногах, сделав еще один выстрел, который заставил второго нападавшего отскочить за массивный книжный шкаф.

Используя эту секундную передышку, Егор схватил обессиленного Воронцова за шиворот и оттащил его в соседнюю комнату, завалив за собой дверь. Снаружи слышались сдержанные команды, быстрые шаги, а затем – звук разбиваемого окна.

Когда Егор, преодолевая боль, выглянул из укрытия, в квартире никого не было. На полу оставались лишь сброшенные книги, осколки стекла и несколько темных капель его собственной крови, смешавшихся с пылью веков.

Воронцов, тяжело дыша, приподнялся над полом оперся на локти. Его взгляд, полный не столько страха, сколько яростной решимости, был прикован к Егору.

– Они... они искали письма, – прохрипел старик. – Штелина... Слушайте, Волков... Они нашли след...

Но Егор уже плохо слышал. Стена перед ним поплыла, а боль в боку нарастала, превращаясь в огненный шквал. Он почувствовал, как пол уходит из-под ног, и последнее, что он увидел перед тем, как погрузиться во тьму, – это испуганное лицо Воронцова, склонившееся над ним, и сдавленный, полный отчаяния шепот: «Они знают... Они теперь знают и о вас...»

Глава 8. Исповедь раненого

Палата в частной клинике пахла антисептиком и тишиной. Белые стены, монотонный звук кардиомонитора и неподвижная фигура Егора Волкова на больничной койке. Пуля прошла навывлет, повредив мышцы, но не задев жизненно важных органов. Повезло, как всегда, с оговоркой – на сей раз везение было измерено в сантиметрах и миллиметрах.

Илья стоял у окна, глядя на спящего, вернее, уснувшего от истощения и потери крови друга. Лицо Егора, обычно жесткое и собранное, сейчас казалось размытым и уязвимым. Но даже во сне его кулаки были сжаты.

Когда Егор открыл глаза, его взгляд сразу же нашел Илью. Не было ни удивления, ни растерянности, лишь тяжелое, ясное понимание ситуации.

«Воронцов?» – хрипло спросил он первым делом.

«Жив. Напуган, но жив. Перевезли в безопасное место. Сейчас он с Еленой, дает показания». Илья сделал паузу, подходя ближе. «Егор, что ты там делал? Наружное наблюдение не было согласовано».

Волков медленно, с усилием приподнялся на локте, лицо исказила гримаса боли. «Не было. Потому что ты бы не согласовал. Потому что ты веришь в свою систему, в свои протоколы. А я... я верю в то, что вижу. И в то, что чую».

Он посмотрел на Илью прямо, без тени сомнения. «Я проверял Марину. Глубоко. Еще до всего этого».

Илья замер. Воздух в палате стал густым и тяжелым. «Что ты нашел?»

«Белые пятна. Официальные, аккуратные, идеально вычищенные белые пятна. Поступление по спецприказу. Пустое личное дело. Чистый военный билет. И главное...» Егор описал архивный запрос, его сложность и своевременность. «Это не случайность, Илья. Ею управляют. Или она играет свою игру. Но она – не та, за кого себя выдает».

Илья слушал, не перебивая. Его лицо было каменной маской, но внутри все кричало. Он верил Марине. Верил в ее преданность, в ее боль, в ее жертву. Но доводы Егора были не голословными подозрениями, а фактами, выстроенными в стройную, пугающую логическую цепь.

«Ты пошел против команды, Егор, – наконец сказал Илья, и в его голосе впервые зазвучало нечто большее, чем холодный анализ. – Ты вел расследование против своего человека. Без моего ведома. Ты посеял недоверие, которое теперь может разрушить все, что у нас есть».

«А что у нас есть, Илья?» – резко парировал Егор. «Иллюзия безопасности? Пока в нашей команде сидит человек с „глубоким камуфляжем“, мы все – пешки. Я не пошел против команды. Я пытался ее защитить. Даже от нее самой».

Они смотрели друг на друга – архивариус, верящий в систему и логику, и оперативник, доверяющий лишь инстинктам и фактам. Пропасть между ними, существовавшая всегда, теперь зияла, как открытая рана.

«Она знает о твоих подозрениях?» – спросил Илья.

«Знает. И теперь, после нападения на Воронцова, знает, что я не отступил. Если она играет роль, то теперь будет действовать осторожнее. Если нет... то теперь она знает, что за нами охотятся профессионалы, и что я – слабое звено, выведенное из игры».

Илья отвернулся, снова глядя в окно. Он понимал. Он понимал мотивы Егора, его старую, как мир, оперативную паранойю, которая не раз спасала им жизни. Но он также понимал, что доверие, единственный цемент, скреплявший их разбитую команду, дало глубокую трещину.

«С этого момента, – тихо, но твердо сказал Илья, – любая проверка, любой шаг в сторону любого члена команды согласовывается со мной. Лично. Мы не можем позволить подозрениям разорвать нас изнутри. Враг этого только и ждет».

Егор молча кивнул, откидываясь на подушки. Протестовать было бессмысленно. Он высказал свое мнение. Теперь решение за главным.

«И что с ней делать?» – спросил он уже без прежней агрессии, с усталой обреченностью.

«Мы продолжаем работать. Но с двойным контролем. За ней, за тобой, за мной. За каждым движением. Ты прав, Егор. Мы в осаде. Но если мы начнем стрелять друг в друга, крепость падет без единого выстрела врага».

Илья повернулся к выходу. «Выздоровливай. Ты нам нужен в строю. И, Егор...» Он остановился в дверном проеме. «Следующий раз, когда ты пойдешь своим путем... можешь не возвращаться».

Дверь закрылась. Егор остался один с гулом в ушах и ноющей болью в боку. Он проиграл эту битву. Но война за душу их команды только началась. И он, как и всегда, был на передовой. Просто теперь линия фронта проходила через их общий кабинет.

Глава 9. Ключ Воронцова

Безопасная квартира напоминала стерильный бокс – ничем не примечательная мебель, глухие окна, пахло свежей краской и тоской. Арсений Воронцов, бледный, как его собственные рукописи, полулежал на диване, закутанный в одеяло. Его правая рука была зафиксирована повязкой – следствие грубой работы нападавших. Но боль в теле была ничтожной по сравнению с огненной яростью, пылавшей в его глазах.

Елена сидела напротив, на краю стула. Она молча наблюдала, как старик копит силы. Тиканье настенных часов казалось невыносимо громким.

«Они искали переписку, – наконец прохрипел Воронцов, не глядя на нее. – Со Штелиным. Яков Яковлевич Штелин. Библиотекарь и... доверенное лицо». Он сделал паузу, ловя дыхание. «Он был связующим звеном. Между Ломоносовым и теми, кто предпочел остаться в тени».

«Какими тенями?» – мягко спросила Елена, хотя ответ уже зрел в ней, холодный и тяжелый.

«Теми, кого не интересует слава. Теми, кого интересует только результат. Сила. Контроль». Воронцов повернул к ней воспаленный взгляд. «Ваш друг... Волков. Он жив?»

«Жив. Ранен, но жив».

Старик кивнул, словно получил ожидаемое подтверждение. «Хорошо. Значит, они еще не настолько сильны. Или... просто торопятся». Он нервно облизал пересохшие губы. «Я не могу доверять вашим людям. Ваш техник... девушка. Она видит все цифровые следы. А там, где есть цифровой след, есть и уши. А ваш оперативник... он слишком прямолинеен. Его легко предугадать. Предсказуемость – смерть в нашем деле».

Он с трудом приподнялся, его пальцы вцепились в край одеяла. «Но вам... вам я, пожалуй, верю. В вас есть... стойкость. И вы умеете слушать. А главное – вы не боитесь задавать правильные вопросы».

С дрожью в руках он потянулся к старому потертому пиджаку, висевшему на спинке стула. Его пальцы, тонкие и жилистые, с трудом нащупали внутренний карман. Он извлек не документ, не бумагу, а небольшой, почерневший от времени металлический ключ. Длинный, с причудливыми витыми бороздками и крошечным, почти стершимся гербом – скрещенными пером и циркулем.

«Библиотека Академии Наук, – прошептал он, вкладывая ключ в ладонь Елены. Его прикосновение было ледяным. – Пристройка девятнадцатого века. Третий этаж. В конце коридора... комната с зеленой дверью. Ее не открыть обычным ключом. И не найти в описях».

Елена сжала ключ в кулаке. Металл, казалось, заморозил кожу, неся в себе холод веков.

«Что там?» – ее собственный голос прозвучал приглушенно.

«То, что Штелин спас от посторонних глаз. То, что не должно было найтись. Черновики. Заметки на полях. Письма, которые Ломоносов просил уничтожить. Его... сомнения». Воронцов откинулся на подушки, его силы были на исходе. «Ищите упоминания о „Стеклянном зале“. Не о комнате... о концепции. О принципе. И... – он захрипел, – осторожней с тенью, что следует за вами. Она ближе, чем вы думаете».

Елена встала. Ключ в ее руке казался непомерно тяжелым. Она понимала – это не просто доступ к тайнику. Это была эстафета. Передача ответственности за знание, которое уже стоило жизней.

«Арсений Петрович...»

«Уходите, – прервал он ее, закрывая глаза. – И никому не говорите. Пока не узнаете, что там. Пока не поймете. Доверяйте только... тени от себя на стене. И то... проверьте».

Она вышла из квартиры, не оглядываясь. На улице ее обдало холодным ветром. Ключ был спрятан во внутреннем, застегнутом на молнию, кармане. Каждый прохожий, каждая промелькнувшая машина теперь казались потенциальной угрозой. «Они ближе, чем вы думаете».

Она достала телефон, чтобы позвонить Илье, но пальцы замерли. «Никому не говорите. Пока не узнаете». Воронцов доверился ей. Только ей. Нарушить его наказ – значит предать это доверие и, возможно, спугнуть добычу.

Но молчание – это тоже риск. Одинокое погружение в логово могло стать ловушкой.

Елена зашла в первое попавшееся кафе, заказала кофе и села в дальний угол. Она смотрела на людей вокруг, пытаясь уловить хоть один настороженный взгляд, хоть малейший признак слежки. Паранойя Воронцова оказалась заразной.

Она написала Илье. Короткое, ничего не значащее сообщение: «Встреча прошла. Воронцов напуган, но стабилен. Ничего нового». Ложь далась ей удивительно легко. Она получила самый важный ключ за последние месяцы, и этот груз ложился теперь только на ее плечи огромной тяжестью.

Она понимала, что ее следующее движение определит все. Пойти одной – безумие. Привести команду – возможно, выдать тайник. Но Воронцов был прав. Пока они не знали, кто дергает за ниточки Марины, пока Егор лежал в больнице, а Илья пытался склеить осколки доверия, любое действие могло быть использовано против них.

Ключ ждал. Тайник ждал. А вместе с ними ждала и тень, готовая нанести удар в любой момент. И Елена должна была решить, станет ли она охотником или добычей в этой смертельной игре со знанием.

Глава 10. Тайник Ломоносова

Библиотека Академии Наук погрузилась в ночную тишину, нарушаемую лишь гулом вентиляции и отдаленными шагами ночного сторожа. Елена, Илья и Марина двигались по бесконечному коридору пристройки XIX века, их фонари выхватывали из мрака портреты ученых прошлого. Следующий шаг каждого давался с трудом – не из-за физической усталости, а из-за груза недоверия, висевшего в воздухе тяжелее книжной пыли.

Елена шла первой, сжимая в кармане ключ. Она нарушила прямое указание Воронцова, решив взять команду. Одиночество в этой миссии казалось ей большим риском, чем возможная утечка. Но она не сказала Илье о предостережении старика насчет Марины. Это была ее личная страховка.

– Третья дверь слева, – тихо прошептала она, останавливаясь перед массивной дверью, выкрашенной в тускло-зеленый цвет. На ней не было ни таблички, ни номера.

Ключ вошел в замочную скважину с глухим щелчком, будто его ждали столетиями. Дверь открылась беззвучно, впустив их в комнату, больше похожую на каменный мешок. Воздух был сухим и неподвижным. Стеллажи вдоль стен ломились от папок и свитков, но не это привлекло их внимание.

В центре комнаты стоял простой деревянный стол, а на нем – небольшой, почерневший от времени ларец из мореного дуба с бронзовыми накладками. Тот самый ларец, что они видели на старой фотографии из дела инженера Орлова.

Илья, не говоря ни слова, надел перчатки. Его пальцы, привыкшие к бережному обращению с бумагой, скользнули по сложному замку. Механизм поддался с тихим щелчком.

Внутри, на бархатной подкладке, лежали не драгоценности и не единый манускрипт. Там была стопка потрепанных листов, испещренных знакомым острым почерком. Черновики. Письма. И – отдельно – небольшая записная книжка в кожаном переплете.

Илья взял ее первой. Он открыл ее и начал читать вслух, его голос в гробовой тишине комнаты звучал зловеще и пророчески.

«...и видел я, как дитя моего разума, зачатое во имя познания, обращают в исчадие тьмы. Сие не есть кристалл исцеления, о коем грезил. Сие есть лезвие, что отсекает волю, окутывая разум дымкою блаженного покорства. Дьявольское искушение – дать сей инструмент в руки тех, кто жаждет власти, а не истины...»

Следующая запись была сделана через два листа.

«...Г.О. ныне одержим мыслью о практическом применении сего „стекла“. Он говорит не о лечении страждущих, но о создании „инструмента для укрощения непокорных“. Я отрекся от сих изысканий, но боюсь, семя упало в плодородную почву его честолюбия...»

– Г.О., – выдохнула Елена. – кто это? Похоже на Григория Орлова.

Илья кивнул, листая страницы. Его лицо становилось все мрачнее.

«...предупреждал я его – сила, что резонирует с духом, не может быть обращена во зло без последствий для самого творца. Но он глух. Он основал общество последователей, кои видят в сей технологии путь к „новому порядку“. Они зовут себя „Алетейя“...»

Марина, молча стоявшая у входа, внезапно кашлянула. – «Алетейя»... Это же... богиня греческой мифологии, дочь Зевса, персонификация истины...

– Молчи, – резко оборвал ее Илья, не отрывая глаз от текста. Он читал дальше, и с каждой строчкой их открытие становилось все страшнее и глобальнее.

Алетейя. То самое имя, с которым они столкнулись в своем последнем деле. Консорциум, пытавшийся стереть память человечеству. Его корни уходили в XVIII век.

«...Г.О. провел эксперименты не только с кристаллами, но и со сплавами, что усиливают их резонанс. Он ищет способ тиражирования эффекта, создания не единичных артефактов, а оружия... Он называет сии сплавы „Новичок“...»

Елена прислонилась к стене, чувствуя, как подкашиваются ноги. Ломоносов не просто предвидел опасность. Он дал имя тому, с чем они будут сражаться спустя столетия. «Новичок». Не просто боевое отравляющее вещество, а производная от извращенной технологии управления сознанием.

– Он не просто опередил время, – прошептал Илья, закрывая записную книжку. Его руки дрожали. – Он увидел самый страшный кошмар ученого – свое открытие, извращенное и превращенное в орудие порабощения. «Кристалл счастья» никогда не был целью. Он был побочным продуктом, доказательством концепции. Целью всегда было оружие. И «Алетейя» Г.О. – прямой предок консорциума, что мы разрушили.

Он посмотрел на обеих женщин, и в его взгляде читалась холодная ясность.

– Мы ошибались, думая, что победили. Мы срубили голову гидре, но не убили ее тело. Его корни здесь. В этих бумагах. И теперь мы знаем его настоящее имя. И знаем, что его наследники все еще охотятся за тем, что искал их основатель.

Он осторожно положил записную книжку обратно в ларец, как будто это была не бумага, а взведенная бомба.

– «Алетейя» не просто существует. Она выполняет завет своего создателя. И мы только что нашли ее свидетельство о рождении.

Глава 11. Имя предателя

Воздух в тайной комнате стал густым, как смола. Слова Ломоносова висели в нем, ядовитые и неумолимые. Призрак «Г.О.», доселе бестелесный, обретал плоть и кровь, и плоть эта была отравлена честолюбием, а кровь – предательством.

Илья разложил на столе несколько пожелтевших писем, аккуратно переписанных чьей-то старательной рукой – вероятно, рукой самого Штелина, собиравшего этот компромат.

– «Г.О.» упоминается здесь семь раз, – тихо констатировал Илья, его пальцы скользили по строчкам. – Все в контексте отступничества. Ломоносов называет его «былым соратником», «человеком острого ума, но кривой души».

Елена, все еще бледная от шока, присела на край стола. – Мы должны его идентифицировать. Все, что у нас есть – инициалы. Это ничего не дает.

– Не только инициалы, – возразил Илья. Он взял одно из писем, датированное 1761 годом. – Читайте. Ломоносов пишет: «...и сие письмо мое к тебе, Яков, есть крик отчаяния. Ибо вчера видел я собственными очами, как Г.О. демонстрировал графу Панину не кристалл исцеления, а стекло, обращающее волю в прах. И граф зрелищем сим был восхищен, узрев в оном инструмент для усмирения бунтовских настроений в среде крепостных...»

Он поднял взгляд на Елену, и в его глазах вспыхнула искра понимания.

– Панин. Граф Никита Панин, президент Коллегии Иностранных дел. Это сужает круг. «Г.О.» был достаточно близок ко двору, чтобы демонстрировать свои наработки одной из самых влиятельных фигур империи.

Марина, до этого молча наблюдавшая с порога, сделала шаг вперед. Ее лицо было сосредоточено, все ее существо было направлено на решение задачи.

– Я могу провести перекрестный анализ. База данных «Русский биографический словарь», списки членов Академии Наук и близкого окружения Панина. Ищем ученого, естествоиспытателя или химика с инициалами Г.О. во второй половине XVIII века.

– Делай, – коротко кивнул Илья, не отрывая взгляда от бумаг.

Пока пальцы Марины летали по клавиатуре планшета, Илья нашел еще один ключ. В другом письме, более позднем, Ломоносов с горечью писал: «...и основал он, сей отступник, „Общество Посвященных“, кое собирается в доме у Аничкова моста. И говорят, что цель их – не познание, а контроль. Контроль над мыслями, над памятью, над самой сутью человеческой».

– Аничков мост, – прошептала Елена. – Дворец. Это была вотчина императорской фамилии. Им покровительствовал кто-то при дворе. Высокопоставленный покровитель.

– Есть! – резко выдохнула Марина. Все взгляды устремились на нее. – Григорий Орлов. Григорий Григорьевич Орлов. Фаворит императрицы Екатерины Второй. Один из организаторов переворота 1762 года. Человек огромного влияния. Известен своим интересом к наукам,

особенно к химии и металлургии. Состоял в переписке с Ломоносовым. И... – она сделала паузу, чтобы усилить эффект, – именно он курировал ранние, секретные проекты по созданию новых видов оружия для русской армии.

В комнате воцарилась оглушительная тишина. Григорий Орлов. Фаворит императрицы. Человек, чья власть была почти безгранична. Идеальный покровитель для тайного общества, стремящегося к контролю над умами. Идеальный последователь для ученого-отступника, желавшего превратить знание в орудие власти.

– Орлов, – с усилием произнес Илья, словно пробуя на вкус это имя, отягощенное веками интриг и крови. – «Г.О.» Основатель «Общества Посвященных». Прародитель «Алетейи». И... основатель рода Орловых и Хранителя тени.

Он посмотрел на потрепанные листы, на гневные строчки Ломоносова.

– Это меняет все. Мы имели дело не с абстрактным злом. Мы боролись с наследием конкретного человека. С системой, выстроенной на фундаменте его амбиций. И эта система... – его взгляд стал острым, как лезвие, – она не могла исчезнуть бесследно. У «Общества Посвященных» должны были быть ученики. Преемники.

Илья медленно сложил письма. Теперь у призрака из прошлого было имя. И это имя было первым реальным ключом к пониманию того, с кем они сражаются в настоящем. Тень «Г.О.» была длинной. Очень длинной. И она, без сомнения, все еще падала на их настоящее.

Глава 12. След Общества

Тишина в кабинете «Архивной правды» на следующий день была звенящей и натянутой, как струна. После вчерашнего открытия каждый звук, каждый взгляд приобретал новый, злобный смысл. Марина сидела за своим компьютером, ее лицо было бледным, но решительным. Она понимала – ее подозревают, и единственный способ доказать свою лояльность – найти нечто большее. Не оправдываться, а действовать.

Илья наблюдал за ней с расстояния, его лицо было непроницаемой маской. Он дал ей шанс, но его доверие теперь было похоже на тонкий лед, готовый треснуть в любой момент. Егор, все еще слабый после ранения, находился в своей квартире, но был на связи через зашифрованный канал. Его хриплый голос периодически раздавался из динамика, задавая уточняющие вопросы.

Марина работала молча, с лихорадочной сосредоточенностью. Она создала виртуальную машину, отсеченную от всех основных сетей агентства, и через цепочку анонимных прокси вышла в открытое море цифровых архивов. Ее пальцы летали по клавиатуре, выстраивая сложные поисковые запросы.

– Имя «Григорий Орлов» – слишком очевидно и слишком опасно для прямого поиска, – тихо проговорила она, больше для себя, чем для других. – Но «Общество Посвященных»... Оно должно было оставить след. Не явный. Не в государственных документах. В частной переписке, в финансовых отчетах благотворительных организаций, в списках попечителей научных фондов.

Она начала с дореволюционных баз данных. Оцифрованные адресные книги Санкт-Петербурга, списки членов закрытых клубов, благотворительных обществ. Имя «Орлов» она исключила, ища косвенные указания.

– Вот, – она вывела на экран сканированную страницу из списка членов «Общества поощрения художеств» за 1843 год. – Смотрите. Среди попечителей – граф Алексей Чернышёв. Его жена, в девичестве... Орлова. А в примечании указано, что граф является «хранителем традиций научного изыскания, завещанных предком». Расплывчато, но...

– Работай дальше, – раздался голос Егора из динамика.

Марина углубилась в XX век. Она искала не людей, а паттерны. Фонды, занимавшиеся исследованиями в области психологии, нейрофизиологии, химии. Особое внимание она уделила тем, что были основаны в смутные времена – после революции, в годы НЭПа, во время перестройки.

И она нашла его. Первый четкий след.

– «Научно-благотворительный фонд «Прометей», – прочитала она, выводя на экран логотип – стилизованное пламя, обвивающее древний свиток. – Основан в 1894 году. Заявленные цели – поддержка талантливых ученых-химиков. В списке учредителей... – она увеличила шрифт, – профессор Владимир Орлов, внучатый племянник Григория Орлова. Эмигрировал в 1919 году, но фонд продолжал работать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.